

Ярослава Предеина

**Магия жизни
бабки
Манефы**

Открой мОгию своей жизни...

Ярослава Предеина Магия жизни бабки Манефы. Открой мОгию своей жизни...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66553536

ISBN 9785005542779

Аннотация

Эта книга – словно открытая дверь в мир СтарЫх: бабки Манефы и её Деда. Будто вы по-простому к ним в гости зашли и попали в пространство, где каждый человек принят таким, какой он есть по своей сути, где любому даётся возможность поправить свою жизнь к лучшему. Бабка с Дедом помогают. Тут всё про жизнь, каким бы невероятным ни казалось. Наблюдая за происходящими преобразованиями других, возможно, и вы откроете свою глубинную, изначальную мОгию жизни.

Содержание

Квадрокоптер Гвидонушка	5
Прибытие посла с дарами	5
Знакомство с Дедом	8
Наречение нано-устройства именем	11
Бабкино приятие и усвоение	14
Обережные провода	17
Возвращение в свой мир	20
Ладка души	22
Первое испытание Гвидона	22
Восхищение и предвиденье	25
Сотворение потока событий	28
Желанное пристанище души	31
Баюканье – обаянье души	34
Магия колыбели и скалки	37
Образы услады жизни	41
Родства души	44
Душевные договоры	46
Проявление силы творящей	49
Бытие: светлое и беспокойное	52
Дела насущные	55
Сборы и провода	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Магия жизни
бабки Манефы
Открой мОгию
своей жизни...**

Ярослава Предеина

© Ярослава Предеина, 2021

ISBN 978-5-0055-4277-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Квадрокоптер Гвидонушка

Прибытие посла с дарами

Заросшая зелёным конотопом деревенская улица со времени своего появления не видала такого дива! По её неровностям на малой скорости шёл серебристый автомобиль, чудного вида и низкой посадки. Остановился у палисадника дома, стоявшего на пригорке.

Часть боковой плоскости машины отделилась от корпуса и лепестком посолонь отъехала к крыше: ни дать ни взять – шлем древнего галла, только однокрылый. Козёл у забора медитативно уставился на это явление, настраивая своё виденье в попытке найти сходные образы в одном из девяти миров, доступных ему.

Из нутра невиданного доселе устройства высунулась нога в обуви, в разы превосходившей по стоимости местный сельпо вместе с его содержимым, и прочно, стопой установилась на землю. Владелец ноги, чуть помедлив, явился тоже. Молодой человек держал в руках коробку.

Оглядев избу с палисадником, парень победно хмыкнул. Несмотря на то, что навигатор за пару километров заглянул, затянув мужским многоголосьем, как допотопное радио, какую-то «голымбу» – он у цели!

Ни с того, ни с сего, картинка в его глазах вдруг дрогнула и затроила. Несколько мгновений струилась, как мираж, и, вдруг, стала отчётливой: вместо избы стоял особнячок в стиле неоклассицизма. Парень успел прочесть на фасадной табличке: «...дом мещанина Чудинова... памятник архитектуры... охраняется...». Через секунду вернулось изображение избы.

Парень мотнул головой: научнообразное мышление явно дало сбой, растерянно перебирая когда-то добытые разумом образцы, но они не давали случившемуся объяснения... Молодость и настрой на выполнение задачи не дали отвлекаться на несущественные вопросы. «...Ни кола и ни двора... только горенка одна...» – пронеслось напоследок в голове у парня, он, уверенно миновав двор и сени, постучал в дверь и зашёл в избу.

– Есть кто?! Здравствуйте! Могу ли найти здесь бабу Манефу?

У печи стояла старушка, умильно сложив руки и наклонив голову набок. Взгляд её лучился и проникал в самое нутро, а голос оказался певучим:

– Поздорову, милоч! Я и есть Манефа-то. А ишло всё гадала: и ково энто к нам ноги по Белу Свету несут?!.. А будто и знаю я тебя, али видела когда?!

– Иван Незнамов. Меня к вам отец привозил после смерти моей матери, прямо из роддома, – и неуверенно добавил, – выхаживать... или в печи допекать?!..

– Де-е-д, а дед?! Ну, ты глянь, как Ванятка-то вымахал: коса сажень в плечах, чернобров, и дюж, и умён, и здоров!

Бабкины напевные слова будто слились в один поток, который плавно потёк на лежанку печи и стал завиваться там воронкой. Словно волна вымывала из-под берега корягу. Поток «вымыл» с печи крепкого на вид деда, который, с неожиданной для старика пружинистой молодцеватостью, спрыгнул с лежанки, точно попав ногами в валенки.

Знакомство с Дедом

– Иван, говоришь? Да-а-а... Ни дать, ни взять – царевич! Зови меня Дед. – И, крепко пожав молодцу руку, уточнил: – Дело пытаешь, али от дела лытаешь?

Прищурившись и мысленно переформулировав вопрос Деда, Иван бодро перешёл к изложению сути своего приезда:

– Отец велел передать бабке Манефе, в благодарность за неоценимую помощь, подарок, – Иван повертел в руках коробку. – Я здесь затем, чтобы передать вещь и проинструктировать по использованию. И только.

– Уверен? – прищурился Дед.

– Я уверен во всём, что со мной происходит, – снисходительно пояснил молодец.

Дед задорно усмехнулся и легко тряхнул кистью руки: у Ивана поплыло перед глазами, подкосились ноги, и, плавно осев на колено и попытавшись удержать равновесие, он всё же мягко повалился на бок. Лёжа на полу, Иван забавно тарачил глаза и моргал, пытаясь навести резкость и осознать то, что произошло.

– И теперь уверен? – наклонился к нему Дед, подавая руку и помогая встать.

– Н-не совсем...

Тут подала голос бабка:

– Ну, полно вам, игруны!.. Пожалуйте к столу. Чего отве-

дать хочешь, Ванюша? Чем тебя попотчевать?

Иван с некоторым усилием собрал взгляд в пучок, обвёл им стол, накрытый скатертью со всевозможными яствами, и подумал: «Самобранка, не иначе...»

Залпом выпив полкорчаги ядрёного прохладного квасу, Иван с интересом воззрился на Деда. Тот, спокойно вымыв руки и ополоснув лицо, утёрся вышитым рушником, поданным бабушкой, и уселся во главе стола.

– От отца, небось, отпочковался ужо?!

Несмотря на чёткость и исчерпывающую ёмкость вопроса Деда, сознание Ивана выдало несколько вариаций его понимания, кучу рассуждений на тему «отпочкования от отца», каких-то смыслов, сравнений, аргументов...

Удивившись этому мимоходом, Иван быстро выбрал из всего многообразия самый очевидный, безопасный вариант и ответил:

– Да. Отец трудится в московском исследовательском заведении. И это относительно новая наукоёмкая отрасль в разработке биометрических технологий...

– Чё?! – вдруг встряла с интересом бабушка Манефа.

Дед хмуро пояснил:

– Сим-сим, откройся, вот чё! Те, лада моя, тудыть не надоть...

Бабушка успокоено вздохнула и подбавила Деду в глиняную миску груздянки погорячее, щедро сдобрив сметаной и зеленью.

Дед, давая Ивану понять, что тот может продолжать, подытожил вышесказанное:

– Да... Действительно, относительно новая.

– А я живу и работаю в Сколково, – закончил отвечать добрый молодец.

Бабка снова оживилась:

– Што за деревня-та, Сколкова?... Можа ты слыхал, дед? Уж больно говоряще названьице... с какого мира сколок-от?!

Дед не отвечал, только положил ладонь на руку бабки, которая мигом умиротворилась. На Ивана он смотрел понимающе, серьёзно, но глаза его смеялись. Иван замер с ложкой в руке, мысленно тоже улыбнулся бабкиному предположению: образ деревни никак не вязался у него с огромным и сложным устройством наукограда, больше напоминавшего космический муравейник, кишаций идеями и масштабными бизнес-проектами. Хотя...

– Ну, добро. Благодарствую за обед, ласточка моя! – «ласточка» засветилась неподдельной радостью и порхнула к шестку печи «на хозяйство». Дед взглянул прямо:

– С чем приехал-то, молодец?

Наречение nano-устройства именем

Иван деловито открыл коробку, которую принёс с собой, и выложил содержимое на стол.

– Отец дарит бабке Манефе квадрокоптер! Вернее, последнюю из его модификаций, многократно совершенствованных, – и бросил через плечо, – баб Манеф, подойди, пожалуйста, для инструктажа!

– А-а-ах!.. – раздалось вдруг за другим его плечом.

Иван, вздрогнув, подпрыгнул на лавке: непостижимым образом бабка, только что копошившаяся в закуте у печи, оказалась прямо за ним.

– А ничё-ничё, Иванушка, не пужайси меня, чай, не змей я... не Горыныч, – и всплеснула руками. – Де-е-ед, ну ты гля-а-ань! Чего на белом свете деется-то: чудо чудное, диво дивное! Это што же нонча Левша-то русский замастырить могёт!

На столе лежало небольшое зарядное гнездо, в центре которого находилось устройство размером чуть меньше мухи, снабжённое четырьмя уж и совсем маленькими лопастями. Рядом, на подставке, стоял монитор, похожий на небольшое блюдо.

И тут перед молодым человеком, как отвесная стена скальной породы, выросла задача: объяснить бабке принцип работы устройства и тех возможностей, что оно даёт, на по-

нятном ей языке. Задача эта выглядела именно как стена, ибо он тут же осознал, что языки изъяснения у них различны. Ни один термин из тех, какими Иван собирался привычно описывать устройство, не мог быть понят человеком, не входящим в технократический мир, породивший это устройство! Ну, а уж тем более – бабкой.

Добрый молодец непроизвольно принял позу мыслителя...

– Гвидо-о-он, свет мой зоревый, внучеком когда-то ты воплощённый! Ты ли это?!!

Иван медленно поднял голову, округлив глаза, челюсть же его оставалась где-то в районе тимуса... Тут бабка, щурясь на устройство, разглядела его поближе и вынесла изрядный, но мягкий вердикт:

– Мимо!

– Чего мимо?!

– Мимо острова Буяну, – напевно произнесла бабка, а затем отчеканила: – Обозналася я, дюже схож!

Затем, умильно сложив ладони у подбородка, снова перешла на певучую речь:

– Экой славной комарик-от! Везде не замечен летат, всё на белом свете видат, да мне всё, поди, докладывают да показывают! Да, Ванятка?

Иван с трудом подобрал челюсть и кивнул утвердительно. И попытался осмыслить тот короткий, но ёмкий и исчерпывающий ряд образов, которыми бабка обрисовала функционал

сложнейшего устройства...

– Дак ить так и стану кликать его – Гвидонушкой, – баб-кино лицо расцвело улыбкой, зарумянилось, и будто даже стало рассеивать сияние. – Имя-то, – пояснила она, – есть у всего в миру, и оно мно-о-гое определяют!... Благодарствую, Ванюша, батюшке твоему!

Бабкино приятие и усвоение

Теперь Гвидонушка был, видимо, прочно и естественно приписан к бабкиному хозяйству, поскольку она тут же озаботилась поставить его на довольствие:

– Чем питаются сия небесна тварь?

Добрый молодец, наконец, пришёл в себя. Выяснив у Деда местонахождение единственной розетки в избе, которая оказалась, конечно же, свободна, он воткнул в неё компактный блок питания с гнездом и осторожно, двумя пальцами, взяв квадрокоптер, усадил его в гнездо заряжаться. Тот и впрямь был похож на комара.

– Поди-ко, и от Солнышка Красного заряжатся? – уточнила вдруг бабка. Вконец растерявшийся от продвинутости бабки, Иван кивнул.

– Тако уж с Начала Времён повелось, что Светило всему жизнь даёт, обогреват и напиткиват светом.

Бабка Манефа улыбалась и была явно особо счастлива. Гвидоша, заряжаясь, чуть заметно вибрировал.

– Эко глазок-от закатыват, чай, услада ему – питаться!

– Чой-то срамным местом он питается! – вдруг иронично изрёк Дед, до того молчавший.

– Ты чё ишшо, старый, удумашь?! Сам знашь – нетуть срамных мест на тели, всё годно к делу и почётно! Энто он пузиком припал... Ну, али зародом, – заступилась за Гвидо-

нушку бабка. Потом повернулась к Ивану с неожиданным вопросом:

– Размножатся?

Иван, развивший за короткое время общения со стариками свою сообразительность в разы, серьёзно и уверенно заявил:

– Только в лабораторных условиях, но... Эта единичная, уникальная модель серийность не предполагает. Аналогов нет!

– Сердешна животинка-а-а! Так и не с кем ему душу отвести... Весь-то в служении!

Бабкино воззрение на мир позволяло оживотворять всё сущее в нём, ко всему относиться как к живому. И это будило в Иване то ли глубинную память, то ли уважение к этим старикам, которые не только не были немощны, а, наоборот, ощущались мощными опорами, на которых держался мир.

Их житьё-бытьё не содержало сожалений об ушедших годах и молодости, бесплодных переживаний о том, «куда катится этот мир». Создавалось устойчивое ощущение, что они сами и катили его, куда надо, заодно правя и выравнивая Путь.

Из глубин сознания Ивана вдруг выбулькнул совершенно невозможный для него образ: «СтарЫе – это боги под прикрытием!» Усмехнувшись своей нелепой выдумке, Иван стал прощаться.

Уже миновав сенцы и выйдя на широкий двор, Иван спо-

хватился, что забыл о настройках сканера квадрокоптера, и попытался выдать бабке чёткий и простой алгоритм действий по активации устройства. Про «сетчатку глаза» она явно не поняла, зато после фразы «отпечаток указательного пальца», бабка напевно отвечала:

– А ты, милоч, напрасно переживашь: и перстом укажу, и с глазу на глаз с им повидаюсь... Ты, главно, в дорогу-то дальню, мысли беспокойны не бери. Оставь их тут же, у обочины-то...

Обережные проводы

А на обочине уже располагался козёл. Вернее, задняя его часть. Передняя же помещалась в машине, которую Иван не потрудился закрыть по приезду.

Козёл явно медитировал, обозревая недра нового для него «явления», упёршись передними копытами в водительское сиденье.

– Сократ, кудыть ты!.. – укоризненно воскликнул Дед, и, вытаскивая козла из машины, проворчал, слегка кряхтя: – Сократ мне друг, но... в Сколково не пустют.

– ...тем самым много потеряв! – весело продолжил шутку Деда Иван.

На сиденье обнаружилось два чётких следа от Сократовых копыт, которые, по всей видимости, прежде ступали в полу-высохшую лужицу рядом с машиной. Дед поскрёб задумчиво в бороде, философски резюмировав сей факт:

– Каждый стремится оставить после себя свой, непременно вещественный, след. Запечатлев в материи, так сказать... написать, чтоб потом не вырубить и топором. Видать, это единственный способ, чтоб тебя не переверали, передавая твои знания потомкам, да, Сократ?!

Тот был не расположен ни к прениям, ни к ораторству, и побрёл в сторону.

Появилась бабка Манефа, держа в руках свёрнутый кусок

льняной холстинки:

– Ванюша, возьми с собою, не побрезгуй, мой пирожок-подорожник! Авось да пригодится, ежели захочешь собой самим оставаться, принудительного тягла избежать да силу понапрасну не сливать... А на тряпице-то, тута, берёзовым угольком начертала – так ничё поди? – эт на удачу отменну...

Попрощались. Бабка незаметно утёрла слезинку... И тут Иван почувствовал, будто натянулась некая нить, что образовалась за время его гостевания у стариков и связывала теперь его с ними. И в том внутреннем пространстве его, где она брала начало и крепилась, создалось такое предельное её натяжение, что это причинило Ивану лёгкую щемящую боль.

Но Дед заручился обещанием Ивана бывать у них и без повода, запросто, а бабка обняла так тепло и мягко, что эта душевная связующая нить стала упругой, тянущейся, как ласковая струйка света, не потеряв при этом своей прочности. Боль растворилась.

Наверное, так воздушный змей, свободно поднимаясь ввысь в потоках воздуха, ловя ветер и возможности подняться к солнцу и небесам, не теряет связь с тем, кто запустил его и с восторгом и гордостью следит за его полётом.

Бабка помахала вслед машине, плавно и бесшумно набравшей скорость. И это было как-то по-особенному: из её рукава пошла мощная прозрачная волна, обгоняя машину и торя ей путь.

– Пошто это у него сознание-то так плотно образами набито, Дед?

– А в энтаком мире выживает, какой в хламовник сознание превращат. Очищать да очищать...

– Предприимчивый, поди, не по возрасту своему...

– Да по всему видать: создал предприятия два, не мене... и затеял немалый прожект. Эх, ма!.. Одну ягодку беру, на втору – смотрю, третью примечаю, а четвёрта мерещится!... Так ить скоро и жилы рвать начнёт...

– Дык тогда уж и выглаживать будем, жилы-те, – бабка сосредоточенно всё ещё смотрела вслед удалившемуся подопечному. – А ты уж, соколик мой ясный, его надоумь...

– А то!

Возвращение в свой мир

Уже выехав с грунтовой дороги на трассу, Иван нашарил на соседнем сидении бабкин напутственный гостинец и понемногу стал разглядывать его, деля внимание между ним и дорогой впереди.

Начертанный углём по холсту символ был простым, но, по ощущениям, мощным. И, будто эхо, донёсся до него напевный говор бабки Манефы: «...где Род, там и Зарод – одно без другого и не бывает...»

Из задумчивости Ивана вывело осознание, что он уже почти на месте. Как будто, из всех возможных путей в пространстве, автомобиль выбрал самый короткий, незримый, неявный и пронёсся по нему, а не ехал с обычной скоростью по дороге с разметкой. Так скоро это было невозможно, но факт оставался фактом: со времени выезда прошло двадцать минут. И это беспристрастно показывали часы на панели. Да и наручные тоже.

И, мчась по МКАД, Иван вспомнил не к месту ту сложную, многоступенчатую процедуру проникновения в мир Сколково, что прошёл несколько лет назад... Заявки, анкеты, собеседования, портфолио, испытательные сроки... Условия, ограничения, перспективы и ряд непростых выборов – новые миры почти всегда неблагоприятны к их новоявленным покорителям. Этот мир многое давал Ивану, но и за-

бирал немало, заставляя балансировать на пределе сил.

Подъезжая к огромному комплексу наукограда, Иван ощутил, что буквально с усилием проникает сквозь упругий, звенящий множеством авторитетных голосов, слой, куполом накрывший этот город науки.

Это ощущение было для него внове. Тут молодой человек внезапно почувствовал непреодолимое желание съесть бабкин пирожок! И твёрдо решил холстинку с начертанным бабкой знаком укрепить под сиденьем своего рабочего кресла. Итальянскому кожаному, весьма эргономичному, изделию явно не хватало чего-нибудь «из ряда вон».

Иван подумал, что таким образом сильно укрепит дела и «своё место в жизни». И, уже даже не удивившись таким мыслям и намерению, быстро «оприходовал» бабкин пирог прямо за рулём.

Ладка души

Первое испытание Гвидона

Следующим утром оказалось, что квадрокоптер Гвидонушка напитался от сети силушкой богатырской «под завязку». Определялось это по его «глазку», который, по словам бабки Манефы, из рубинового сделался как «синь яхонт». Пришла пора испытать его в деле.

И тут бабка призналась, что напрочь запамятовала, что надо делать, чтоб устройство заработало. Сокрушалась она, однако, недолго, поскольку её причитания прекратил Дед:

– Пошто расстраиваешься?! Сделаешь, как обычно-то, и делу венец! Ить исцеляешь наложеньем рук, и тут управишь-ся... али заговорным словом каким.

Бабка проворно, не мешкая переплыла утицей в угол избы с гнездовьем Гвидонушки, склонилась над квадрокоптером и начала колдовать. Пространство вокруг неё заколыхалось, будто прозрачное желе.

Через малое времечко чудо-комарик бабку опознал, признал своей и стал слушаться. Он вылетел из гнезда и вдохновенно наматывал круги вокруг бабкиной головы посолонь, ожидая голосовых приказаний. Выглядело так, будто у бабки Манефы, поверх двух её платков, засветился нимб.

Дед с нескрывае­мой гордо­стью и до­воль­ством гля­дел на баб­ки­но «све­то­дей­ство», при­оса­ни­в­шись на лав­ке за сто­лом.

– Тепе­ри­ча смо­т­реть ку­ды-то на­доть, – под­ска­зал он ей, вер­тя в ру­ках круг­лый мо­ни­тор, при­ла­гав­ший­ся к ква­дро­коп­те­ру.

– А ты ж, стар­ый, чё рас­се­л­си-то?! Ты ужо по­ди, со­ко­лик мой яс­ный, при­неси мне из са­ду-то яб­лоч­ко.

– Мо­ло­диль­но? – под­ми­гнул баб­ке дед.

– Вот иш­шо, чё вы­ду­машь то­же! – сму­щён­но за­улы­ба­лась баб­ка, – Ка­ко са­мо в ру­ки упа­дёт, то и та­шши сю­ды...

Ещё че­рез две ми­ну­ты Стар­ые си­де­ли на лав­ке за сто­лом и с азар­том ка­та­ли яб­ло­ко по блю­ду, по­ка на нём не по­яви­лось изоб­ра­же­ние из­бы и их обо­их. За­тем Гви­дон по­лу­чил за­да­ние «с­ле­тать ту­ды, не зна­ю ку­ды, но ш­тоб про­яс­нить то, ш­то дав­еча во сне ви­да­ла».

Ко­мар бо­дро дви­нул в от­кры­тое баб­кой окош­ко, а ста­ри­ки ус­тро­и­лись у мо­ни­то­ра по­удоб­нее: «г­ля­деть ш­то да как». Гви­до­ну­шка ис­прав­но и без по­мех пе­ре­да­вал на не­го чёт­кую кар­тин­ку с вы­со­ты полё­та лас­точ­ки на­кану­не до­ждя. Изоб­ра­же­ние лишь из­ред­ка сме­ща­лось, ко­гда ко­ма­рик ла­ви­ро­вал меж плот­но­стя­ми про­стран­ства, изыс­ки­вая сло­и и по­то­ки, ме­нее за­трат­ные по си­лам.

По­ка ус­трой­ство на­би­ра­ло ско­рость и вы­со­ту, его ка­ме­ра за­пе­чат­ле­ва­ла ближ­ние зем­ли. И тут Дед угля­дел, что по­на­ехав­шие к со­сед­не­му фер­ме­ру го­сти соб­ра­лись за­чем-то ва-

лить огромную ель. Был слышен визг бензопилы, которую пробовали на нижних сучках дерева, и гвалт мужиков, каждый из которых считал свой подход и метод единственно правильным. Только это и отодвигало момент кончины дерева в полтора обхвата толщиной.

Дрожь дерева исходила рваными зеленоватыми волнами и гасла в кронах других деревьев по близости, будто оно просило помощи. Весь небольшой лесок встревожено гудел и качал кронами деревьев, подлесок сочувственно шелестел листьями в полном безветрии. Мужики не замечали.

Дед живо снялся с лавки:

– Да по этой ели ишло мой прадед наверх хаживал! Куды мои валенки-скороходы поставила?!

– Вона, в печурках сушатся! Ну, давай нето, дед, не запоздать бы... А то – с чурами да пращурами иначе, как через голбец, и не познашься!

Дед, ловко запрыгнув в валенки, выдал плясовое коленце с прихлопом и, ударив пяткой об пол, испарился, как не бывало.

Бабка, привычно благословив его вослед, озабоченно склонилась над монитором-блюдечком, по которому всё каталось яблочко.

Гвидонушка уже летел над Швейцарией.

Восхищение и предвиденье

Когда Дед вернулся, было видно, что он раздухарился и был доволен своим походом. Бабка Манефа проворно приблизилась к нему и, вынимая из его бороды хвоинки, то ли восторженно, то ли деланно-ворчливо стала ворковать:

– Поди-кось оборачивался снова да ладом, неугомонный?! – и, обмахивая круговыми движениями рук вокруг дедовой головы и пограничье жило, продолжала: – Вишь, сколь нацеплял да нанёс в избу-то! Сколь увещевать тебя, чтоб невзмерных трудов своих не допускал да берёг себя?! Вон чё посетилась лопоть-то...

– Так с лешаком уговорились попужать полоумных-от! Теперича они до-о-о-лго к лесу да реке не сунутся. Разве што только с почтением, поклонами да гостинцами-подношениями...

Дед улыбался и, не отрываясь, смотрел в светозарные очи своей ненаглядной. Как любил он, ох, как любил! – эти возвращения с битв, с победой или без. В любом случае, даже если дело случилось несовершенным, а сражение было проиграно, в глазах бабки Манефы (а не всегда ведь она была бабкой!) плескались, переливаясь через край, восхищение и гордость им, его усилиями, подвигами и ещё чем-то ей одной ведомым, чего он и сам в себе не знал.

Только она, подруга дней не только суровых, а и светлых,

радостных, была свидетельницей его вклада в правку мира и сохранение жизни. Она верила в него, как никто другой, и поддерживала даже вопреки мнению других. Считала, что он сделал всё настолько правильно, насколько позволяли исходные и текущие обстоятельства.

Ради этого момента он всегда торопился вернуться домой. Это и было высшей наградой Деда – бабкино восхищение!

И, переполняясь ответным чувством, Дед молча привлёк к себе и обнял Манефу. Она доверчиво, как и во все времена их совместной жизни, приклонила голову на его плечо. Тут Дед заметил на столе ворох лоскутов и цветных ремков, что бабка оставила при его появлении.

– О-о-о!.. Знать, дело-то сурьёзно намечатся? Раз шабалы разложила да торочку мастыришь... Небось, откачивать кого ишшо придётся?

– Одну-то на рученьках ужо надобно откачивать... да судьбу баять. А втора-то душенька токма недобаюканна, – бабка с надеждой посмотрела на Деда, – зыбку бы изладить... токма большу, хоть бы из досок струганых. Тель-то выросла ужо: для бабоньки.

Дед с готовностью повернул к двери, но замешкался уточнить:

– С государем своим пожалует, поди?

– Как иначе-то, раз дитяtko у их при смерти, – бабка вздохнула. – А для него-то бы баньку истопить, да поправить его тама, поворошить....

Бабка Манефа, как велось в серьёзных случаях, без прямых указаний и с вопрошанием во взгляде, направляла делу деятельность.

– Добро. Сделаю, лада моя, даже не сумлевайся, – и Дед вышел, направившись в свою мастерскую.

А бабка уже встречала вернувшегося в гнездо Гвидонушку:

– Быстрокрылый мой просветитель, благодарствую за службу верную!

И казалось, от бабкиной похвалы и благодарности, у комарика «глазок», датчик уровня заряда, закатился в блаженном смущении. Видимо, доброе слово и квадрокоптеру приятно.

Через минуту бабка уже перебирала на столе лоскутки: кумачёвые с червончиками, васильковые с «живчиками» кубовой набойки, пестрядь и полосатые. И поучала Гвидона, будто ему когда-нибудь могло это пригодиться:

– А торокА-то, лоскутно одеяльце, шилось на рождение младенчика... Да в каждый, отдельно шитый лоскутик, вкладывались пух птичий али шерсть овечья – для силы бережной...

Сотворение потока событий

Вот и следующий день клонился к вечеру. Закатное солнце целовало на ночь макушки деревьев и тепло оглаживало всё, что попадалось под его косые лучи. Ложились длинные тени. Бабка Манефа сумерничала в избе одна – Дед был на особом задании. Как обычно, бабкино предисловие к нему было более объёмным, чем суть самого поручения:

– Дееед! А не ты ли у нас самый знатный ходябщик-от?! Лучшего-та коробейника и в прежни времена не припомню: угадать, чего кому надобно, найти-достать, продать-обменять, да при том, не обманув человека – ты могёшь! На тебя, родимый, вся моя надёжа: молозива от бурёнки маненько бы раздобыть, да в энто-то времячко тельну корову трудно сыскать...

Дед, ничтоже сумняшеся в необходимости такой причуды, живо переобулся в яловые сапоги со слегка загнутыми носами, оправил на себе опояску, поиграл в бабкину сторону мохнатыми бровями и исчез за дверью.

Теперь бабка сидела на лавке напротив устья затопленной печи, её неподвижность была обманчива, а внимание и сосредоточенность были далеко за пределами избы. Особый, сильный взгляд выдавал напряжённую деятельность её сознания в тончайших слоях непроявленного.

Многотрудные, загорелые в тёмное бабкины руки со слег-

ка узловатыми пальцами, гладили разложенную на коленях лоскутную торочку. Бабка, глядя на пляшущий в печи огонь, на ощупь перебирала пальцами лоскуты одеяльца: какие-то оглаживая, проходя мелкими движениями, а другие, будто нащупав что-то, разравнивала и разминала подольше.

Чуть тревожно тикали старинные ходики. Немного потемневшие гирьки и цепочки висели всегда в одном положении, поскольку никто часы не заводил. Они «шли» сами, мерно отсчитывая время, отведённое на самое главное в жизни, и никогда не показывали часы, совпадающие со временем суток. Под облупившейся местами краской верхнего слоя проступали следы росписи циферблата, рассчитанного на такое исчисление времени, какого, казалось, и существовать-то никогда не могло.

Ещё ходики служили кельей язычнице-кукушке. После того, как однажды бабка Манефа защитила их от посягательств заезжего собирателя древностей («...костьми лягу, а не отдам!»), кукушка завершила тысячелетний обет молчания и стала, хоть и редко, возвещать «аки оглашенная» приближение особого момента, времени, мига, сига...

Вот и сейчас, как только на пороге появился вернувшийся с глиняным горшочком Дед, кукушка заворошилась в своей обители, «с ноги» распахнула дверцы окошечка ходиков и чуть сипло намекнула:

– Ку-ку!..

Единственный сохранившийся её глаз из огранённого

кровавика смотрел прямо во внутреннее Око каждого из стариков одновременно. Значительно и глубоко.

– Вот и маковку нашу привезли, – тихо сказала бабка, беря у Деда из рук горшочек с целебным веществом и ставя его в печь.

И тут же совсем стгутившиеся сумерки прорезали два луча фар, мельком осветив избу через окошки. Ещё через минуту в дверном проёме возникли фигуры мужчины и женщины: она, будто в изнеможении, прильнула к дверному косяку, он – бережно держал на руках девочку лет трёх. Её светло-льняные волосики и тоненькая левая рука висели безжизненно. Взгляд бессмысленно блуждал по бревенчатым стенам и потолку. Большие серо-голубые глаза казались тёмными и без дна. Через них можно было заглянуть в бесконечность мироздания.

– Помогите! – выдохнула женщина. – Дочка умира...

У неё перехватило горло – горечь невыраженного чувства застряла в нём огромным комом, и молодая женщина без сил опустилась на порог, будто большая раненая птица.

Желанное пристанище души

– Полно, милая! То, што жить должно, то будет жить – всему ить своя мера дадена, – бабка стремительно подплыла к мужчине, принимая у него девочку на лоскутное одеяльце.

– Знаю вас, давно ждала... Ужо ты, Всеволод, Ольгу-ту у меня оставь тут, в избе. А сам-то с Дедом пойди... Да не кручинь серёдку свою – всё ладно станется.

Дед повесил за кольцо к матице избы что-то вроде качелей или плота на верёвках. Плотик был покрыт домотканым полотном, уложенным вдоль досок, и его вышитые диковинным узорочьем концы свисали с обеих сторон.

Дед молча подошёл к мужчине, крепко пожал ему руку, ободряюще похлопал по плечу и увёл из избы в баню.

– А ты, Олюшка, проходи-ка в дом, на пороге-то не сиди – пограничье это...

Ольга, собрав силы, встала и подошла к зыбке:

– Можно?

– Дык, для тебя дед и сладил, – улыбнулась бабка Манефа.

Ободрённая ласковым и простым бабкиным обращением, женщина присела на чуть качнувшийся плотик и тут же почувствовала, что «поплыла»... Будто все напряжения, усталости, страхи, намертво сковавшие позвоночный столб, вдруг растаяли и начали стекать с него, расплываться кругами от копчика, растворяясь и исчезая вовсе. Тело стало лёг-

ким, податливым, живым и чувствующим.

– Блаженно-то как! – удивлённо и благодарно взглянула Ольга на бабу, – я и забыла, как оно бывает...

– А ничё-ничё, милая, повспоминай пока телом-от – ишо доберусь опосля и до тебя, – пообещала бабу Манефа, устраиваясь удобнее на лавке возле печи с девочкой на руках.

– А вот у нас тут как светла душенька приземлилася, да шибко удивилася и с Пути-то сбилася, – это бабу уже улыбалась малышке.

Та вдруг остановила блуждающий взгляд на лице, лучившемся морщинами, и, как заворожённая, смотрела теперь вглубь бабу. Казалось, что все силы, надежды и чаяния, что могли ещё оставаться в детском тельце, сосредоточились в этом, удивительно взрослом взгляде. Это было ОЖИДАНИЕ ЧУДА.

Бабу Манефа, устраивая девочку, приговаривала: – Светочка... Светонька, птаха рассветная... Щас, моя хороша... Светлышок-от и есть Светлышок!

Она сделала из своего подола небольшое углубление наподобие гнезда, и уложила туда слегка обёрнутого в лоскутное одеяльце «птенчика». Ладонью правой руки бабу поддерживала голову малышки у основания черепа, другой же, как крылом, приобняла тельце.

В движениях бабу не было суеты, так же, как не было холодной заученности и строгой последовательности. Тем

не менее, они были точны, чутки и согласованны с малейшим душевным откликом ребёнка, и эти движения души и рук сливались в одно красивое, ладное и лёгкое действо.

Любое прикосновение бабки выдавало её понимание и приятие того, что происходило в душе Светлышка, не таило в себе ни малейшего принуждения или настаивания на своём. Только уважение к свободному выбору и заботливое творение такого пристанища, где измученная, уставшая душа могла бы наполниться силами и сделать свой выбор.

Бабка создавала собой пространство, в котором человек может совершить свой душевный подвиг.

Бровки малышки, которая продолжала неотрывно глядеть в лицо бабки, шевельнулись так трогательно и доверчиво, что мать девочки, всем существом проникшаяся происходящим, коротко всхлипнула. И быстро прикрыла лицо ладонями, боясь спугнуть, нарушить это состояние, прервать тоненькую, спасительную нить света, протянувшуюся от души к душе.

Баюканье – обаянье души

В избе стояла, тоже в ожидании, тишина. Тишину уютило потрескивание поленьев в печи и стрекотание сверчка. Как и во все времена, сверчок пел о том, что «... всё так было... есть... и будет», и эта его песня примиряла с происходящим, открывала позабытые истины и дарила надежду на счастливый исход.

Бабка потихонечку стала баюкать девочку на коленях, раскачивая их из стороны в сторону. И певуче произносила непонятные, странные и удивительно красивые слова, которые, минуя понимание, ложились сразу на душу.

Отблески пламени плясали на лице ведуньи, играя, переплетаясь с речами, и от этого рождались диковинные узоры, сотканные из света. Они расходились от сказительницы лепестками, будто расцветал, раскрывался бутон цветка.

Очарованная этим, обаянная речами бабки душа девочки вдруг ожила, откликнулась, и это узнавание души выкатилось из широко открытых глаз её двумя огромными сверкающими слезинками. Не мигая, малышка внимала и впитывала каждый звук. И будто прислушивалась к тому, что происходит у неё внутри. Там зажглась, мерцая, искра и разгоралась в маленький ещё огонёк.

Бабка, погладив девочку по волосам, глядя на огонь в печи и чуть раскачиваясь, так же напевно завела речи, соответ-

ствующие более плотному, действительному миру, понемногу выводя в него душевное внимание девочки. Это глубокое, сильное звучание в ладу с покачиванием коленей, выплывало из бабки и накрывало мягко, словно волны – береговые камни, вымывая лишнее, чужое, оглаживая острые их края, делая гладкими и цельными.

То не пОзори всполыхаются,
То не лазОревы воды вздымаются,
То душа-девица на Рось спускается
Дивным светом кругом разливается.

Рыком звЕрьим леса оглашаются,
Лебедицы-утицы слетаются
И любовью души согреваются
Живой вешнею наслаждаются.

Душа-дева в плоти является,
В поток жизни окунается...
То не пОзори всполыхаются,
То задумье небес исполняется...

Образы, казанные бабкой, возникали прямо в воздухе, очерчивались огненно-световыми линиями и всполохами, переливались сиянием, раскрывались, как соцветия, глубинными, поначалу сокрытыми содержаниями.

Всё это расцветание сплеталось в одно целое полотно и плавно, невесомо сплавлялось с пространством внимающей души, становясь её неповторимым, чарующим, светящимся узором.

Девочка спала, покачиваясь в бабкином подоле... Лицо её, впервые за долгое время, озарилось умиротворённой, счастливой улыбкой... Вернулось Знание души о своём Пути.

Магия колыбели и скалки

Бабка Манефа легко понесла спящую девочку на кровать и попросила встрепенувшуюся Ольгу:

– Ну-ко, Олюшка, кружевны наверхия с подушек убери, да с покрывалом – вот сюды. Пристроим нашу птичку светлу ночевать...

– А что-то испарина появилась!.. Это нормально? – встревожилась мать, глядя на Светлышка.

– А как же, пара у неё теперь дышит, пространство душевно шириться стало, – проворковала бабка. Но, поймав недоумённый взгляд Ольги, выдала более понятный образ: – Опара, знашь, на закваске бывает хорошо подыматся, растёт, дышит – то основа тесту добрая. Опосля к ней муку подсеивашь, уплотняшь поболе: она вбират. В печице-то всё ненужное выгорат и от энтого тепло да жар выделяются. И на ём годны образы, что тебе хлебы да пироги, форму обретают да крепятся. Ишшо всю жизнь подпитывать станут!..

Тут Ольга и сама почувствовала лёгкий жар, но не смогла бы определить ни его источник, ни то, где именно в теле он ощущается. Бабка зорко поглядывала на неё, устраивая малышку на перину с льняной простынёй, из-под которой свисал кружевной подзор и, казалось, рассеивал белый свет.

– Ох, ясны светы! Да тебе как бы не лишку, на сегодня-то! А вот давай-ка, укладывайся на животик-от, в колыбельку-ту

свою... Шас мы и тебя, моя хороша, поправим да поладим маненько скалочкой – жива-то течь должна, не застаивать-ся бы ей... разгонять надобно.

Ольга, прямо в одежде укладываясь на плотике-зыбке, уже и совсем ничего не понимала, но слова бабки Манефы, её душевность и приятие всего как оно есть вызывали доверие и умиротворяли.

Тем временем, в закуте у протопившейся печи бабка Манефа весьма проворно успевала вершить важные, неотложные дела. Одним, отточенным веками, движением кочерги она отправила в загниётку переливающиеся жаром угольки и передвинула с шестка на освобожденное на поду место глиняный горшочек с молозивом.

Приподняв фанерную доску, служившую крышкой сельницы, нашарила под ней скалку, вынула, обмахнув от муки вышитым рукавом, и уже плыла обратно к колыбели, где с некоторым интересом и волнением ожидала Ольга.

Поначалу бабка, по-хозяйски оглядев тело женщины, вернее, пространство около него, огладила ладонью некоторые участки, будто считывая и вглядываясь в то, что требовало уточнения и ясности. Затем легонько начала орудовать скалкой, раскатывая тело, будто тесто.

«Видимо, я тесто не простое, а слоёное», – со смешком подумала Ольга, и бабка, будто отозвавшись на её мысли, но говоря сама с собой, раздумчиво изрекла:

– А наслоилось-то чё! Ну, ничё-ничё... У иной-то ду-

шеньки не токма своё, за годы нажитое, да чужое, привнесённое, а и вековы напластования, што по роду тянутся али с прошлых жизней ишшо...

И, делая Ольгу полноправной соучастницей сего действия, бабка стала направлять и удерживать её внимание:

– А вот тут што у нас? Ааа... ага... Да на што оно тут? Лишне-то нам не надоть... Щас, ща-а-ас... Будешь у нас гладка бабонька, справна, кака надо! А то ишь ты!..

И Ольга стала ощущать в каких-то местах на теле некие комковатые уплотнения или пузырьки, какие бывают в тесте. Под скалкой они разминались, будто выталкивались ею на поверхность и сдувались, звуча и осознаваясь при этом какими-то далёкими воспоминаниями, словами и голосами.

Вместе с блаженным чувством освобождения и лёгкости пришло ощущение цельности и звенящей неги в теле, раскатанном и распластанном на досках «колыбельки». В груди-не, где-то в лёгких, словно разгоралась печь и становилась почему-то больше пределов тела...

– Ну, вот уж и хватит с тебя на раз-от! Освоить надобно... отдохнуть маненько. Ты лежи-лежи. А я покачаю тебя – ровнять надо живу-ту, равномерно штоб...

Она придвинула невысокую скамеечку, села на неё и принялась «добаюкивать» женщину, что-то напевая. Это пение старой Манефы без слов было удивительно красивым, чем-то родным и давно знакомым, умиротворяющим и уютным.

На это грудное звучание, которое сменилось потом на бо-

лее глубокое нутряное гудение, отозвалось всё пространство вокруг. И заструилось, перестраиваясь ещё более ладным и совершенным. Засыпалось Ольге сладко.

И бабке вторил сверчок своим гимном мировому порядку и устройению.

Образы услады жизни

Утром следующего дня Светлышок, проснувшись, распахнула глаза, и всё было для неё внове, казалось дружеским и помогало большому счастью маленькой девочки. И она нежилась на перине, рассматривая окружающее, впитывая усладу образов простых, настоящих, так не похожих на всё увиденное за три с половиной своих года.

Это был совершенно иной мир. Мир без обслуживающего персонала и гувернанток, без сенсорных смесителей и мёртво-чистых салонов авто и лифтов. Это был живой мир, не «через стекло лимузина» – только руку протяни!

Мир дышал, жил, двигался и переливался. Он менялся в чём-либо каждый миг, рождал запахи и звуки: отдалённый лай собаки смешивался с деловитым гоготом стаи гусей, спешащих по травяной дорожке сада к пруду. Шелест листвы сада и её ласковое пошлёпывание по зреющим яблокам вторил звяканью вёдер и скрипу колодезного «журавля»...

И запахи: отдельные, чистые, ясные! И детское сознание их стало тут же различать, чего не удавалось раньше: все, даже детские блюда от семейного повара были сложными на вкус, а запахи и ароматы друг друга перебивали, усиливали, гасили, утончали...

А в этом мире каждый запах был истотным, давал свою силу, отпечатывался на какую-то внутреннюю основу, да

и сам становился частью этой «земли обетованной». Мать-сыра-земля источала незыблемую уверенность изначальных воззрений на мироустройство. Аромат свежеиспечённого хлеба и парного молока с земляникой несли ту простую радость бытия, что и через долгие годы, при одном припоминании, наполняет мощным желанием жить.

Тонкие запахи прелой листвы и навоза напоминали о том, что всё уходит, принимается землёй и вновь рождается. Манящие грибные потоки воздуха из сумрачных ельников и весёлых перелесков обещали тайны и открытия, находки и победы. Здесь мир открывался дивным, разумным и без каких либо жёстких краёв.

Плахи пола избы в полбревна были нагреты солнцем через окна и хотели передать тепло босым ступням девочки. Добродушная, основательная русская печь «улыбалась» ей длинными нитями с сушёными грибами, развешанными на боровике. Свою белёную «спину» она кокетливо прикрыла накидкой из овчины, будто приглашая посидеть на ней среди подвешенных к потолку и матице пучков медвяных трав, слушая удивительные сказки Деда.

Девочка улыбнулась.

По избе, оттуда, где с другой стороны печи потихонечку хозяйничала бабка, шёл аромат и звуки, обещавшие вкусно-ть. Пучком гусиных перьев, переплетённых узорно суровой нитью по ости, бабка Манефа ловко смазывала сковороду растопленным маслом и наливала ложкой тесто. И ола-

ды румянились, шкворчали, распаяясь и торопясь выговориться.

Светлышок перевела взгляд на то окно, что выходило в сад. Оно было открыто, ветер нежно шевелил белые кружевные занавески...

Родства души

Между занавесками в окне мелькало что-то красно-рыже-огненное. Это подскакивал петух. Он старался. Стремился и упорствовал в своём намерении разглядеть в окно то, что внутри.

Высоты завалинки под окном и своего роста ему явно не хватало, чтобы сделать это с достоинством. Подпрыгивания с вытянутой шеей получались неуклюжими, малиновый шикарный гребень несолидно заваливался набекрень.

Поэтому, после каждой попытки бравый герой делал вид, что он здесь по другим делам: с осанкой вельможи осматривал территории на предмет зёрен, шоркал шпорой и косил взглядом в сторону возможных зрителей. Не выглядев таковых, начинал новую серию подскоков.

Наконец петух придумал уцепиться за нижнее обрамление наличника: исполнил, соскользнул и звезданулся! Конечно, уместней было бы сказать «грянулся оземь», но уж больно в неприличной для столь важной персоны позе. Ну... не Финист Ясен Сокол.

Девочка, внимательно наблюдавшая за манёврами петуха с кровати, тихонько ахнула. Бабка Манефа вышла из-за печи и сложила руки ладонями под щекой, любуясь малышкой.

– А петушок-от наш, беспокойна душа, всё тебя выглядывают! Что солнце-то красно для всех встало – давно уж возве-

стил, а своё-то, маленько, всё никак не дожждётся: не встаёт да во двор не кажется, – улыбнулась бабка.

Светлышок блеснула глазами и приподнялась на перине:
– Меня ждёт?!

– А ково ж ишшо? – и стала увещевать петуха через окно: – Ты пойди, Прометеюшко, поклуй пока зерна ядрёнаго. Пошто распалился заране?! Выйдет, выйдет уж скорёхонько твоя ненаглядная-то!

Девочка быстро и аккуратно спустилась с кровати, сползая с перины на животе, дотянувшись до пола ножками. Бабка взяла её к себе на колени, вручила ложечку и стала потчевать её томлёным молозивом прямо из горшочка, приговаривая что-то про коровушку-матушку, доброе здоровьице и благословение.

Светлышок с охотой, но быстро поела, спрыгнула с бабкиных колен и выбежала во двор. По зелёной траве пронёсся пламенный вихрь, и Прометей с гортанными клокочущими звуками, в которых слышался чуть ли не стон, уткнулся, растопырив крылья, в платье девочки. Она звонко и радостно засмеялась. Заливистый детский смех оживил всю округу.

Бабка Манефа, глядя в окошко на то, как обнимает птицу девочка, как Прометей ласково клокочет чувством и нежно перебирает клювом её локоны, пытаясь передать ей, что он пережил, дожидаясь встречи, тихонечко поведала коту на лавке:

– Ну, вот и свиделися две душеньки... Вот и ладом всё!

Душевные договоры

Это удивительное созвучие двух душ, птицы и ребёнка, застал Дед и родители девочки, которых он вёл в избу завтракать. Всеволод и Ольга уже и не смогли бы припомнить, когда видели свою дочь в таком радостном оживлении. Всё ещё не в силах поверить и объяснить своё родительское счастье, с немым вопросом воззрились на Деда...

– А што?! Узнаёте царишину свою, наследницу крупной корпорации? – улыбнулся, прищурившись, Дед. – И сейчас тоже уверены, што она, империя-то ваша, нужна ей шибко? Кажна душа-то своим замыслом живёт, тем, што задумала на земно воплощение... И нету худа для неё страшнее, чем неисполнение, невозможность жить по велениям души – тогда может и уйти захотеть.

Ольга прильнула к плечу мужа, он приобнял её – вместе осознавать то, что говорил Дед, было легче. А он продолжал:

– Можно ить сказать, конечно, что у всех-то людей главна задача души одна – собою, присутствием своим и деланьем творить мир лучшим, согласно мироустройству. Но кажна душа в чём-то своём это воплощат. Да и с другими душами договоры имеет: мол, какой опыт надо ей обрести, штобы выше звучать, како взаимодействие али помощь понадобится... Друго дело, што люди забывают об энтих договорах.

Дед показал на Светлышка и Прометея:

– Душа-то договоры вершит на своём языке, можно сказать – божьем. И душевный «до Говор» помнят ещё хорошо те детишки малы, што говорить ишшо не научились по-человечьи. До «говорения» и память души сохраняется. Пока образами действительного мира её не перекроет.

Ольга и Всеволод переглянулись. Дед продолжал:

– И ваша-то встреча не случайна, и то, што вас така светла и висока душа в отцы-матери выбрала – тоже... Да токма ить мало привести нову-то душу в мир, явить да родить. Надо ишшо и воспитать дитя, не подавляя свободной воли души его. И нет ни одного случайного человека в нашей-то жизни – каждый, с кем жизнь свела хоть ненадолго, зачем-то да надобен душе, её росту...

Всеволод вдруг подумал о тех, кто противодействовал в делах, подначивал, и даже предавал... Ольга вспомнила о своём детстве, родителях и ей захотелось быть бесконечно благодарной им за уроки. И оба с особой нежностью и восхищением посмотрели на свою дочь, главного теперь их учителя любви и приятия. Та, улыбаясь, кончиками пальцев гладила петуха по шее, слегка перебирая его пёрышки.

Прометей вдруг узрел сквозь редкий забор пробегающего мимо двора пса. И углядел в том некий злой умысел против его любимицы. Растопырив крылья, петух стремительно «вышел на взлётную полосу» и взметнулся на забор, хлопаньем крыльев красноречиво предвещая простодушному кобельку неблагоприятный астрологический период «пойдут

клучки по закоулочкам».

Пёс спокойно и благоразумно двинул по траектории самого большого радиуса.

Проявление силы творящей

Тут Дед вдруг молодцевато расправил усы, огладил бороду и изрёк:

– А, пожалуй, тряхну-ко я стариной: вырублю топориком деревянну игрушку девчужке-то на память!

Вернувшись победно, петух стал прохаживаться, важно позируя Деду, который уже ваял из маленького чурбачка его нетленный образ. Светлышок примостилась рядом с Дедом, внимательно и серьёзно вслушиваясь в его байки.

К тому, что делал топором Дед, никак не подходило выражение «топорная работа»: настолько легки, изящны, выверены и точны были его движения. Топор сидел в его руке ловко и будто слился с ней в целое, был её естественным продолжением.

И обе руки Деда были двумя давно договорившимися и сработавшимися подельниками, будто даже совершенно независимыми от него и «само-думающими». Казалось, разум теперь сосредоточился в них: и руки «видели» конечный образ игрушки, творили её согласно назначению, сами определяли точность и силу ударов топорика по древесине и просто с его помощью отсекали то лишнее и негодное, что скрывало истинную суть образа.

Топор принимал эту разумную силу, будто текущую из ладони Деда, преобразовывал, определял меру, необходимую

для своего движения и знатко вонзался в заготовку вдоль или поперёк древесных волокон. Затёсы получались гладкими – лезвие топора «закрывало» волокна и ток, который проводило, волочило сквозь себя дерево, замыкая его, оставляя в фигурке. И она становилась «сильной».

В этом делании чувствовалась та магия, которой владели в совершенстве пращурь: подзабытая, едва узнаваемая, но не утратившая своей мощи. Когда как современный мир, в том числе и бизнеса, часто предполагал «лес рубят – щепки летят»: с перерасходом сил, с бездумным «авось продавлю» и бесхозяйственным отношением к природным и человеческим ресурсам.

И даже Всеволод, давно поднявшийся за пределы среднего бизнеса благодаря тому, что по наитию избег этих бед, привыкший «всея володеть», изрядно преуспевший в этом, почувствовал в работе Деда топором эту «могучесть» и те безграничные возможности, что открываются тому, кто правильно этой разумной силой управляет.

Это пока было выше его понимания, и он пристально, внимательно вглядывался в Деда, чувствуя непреодолимую охоту распознать, проведать, обучить себя тому знанию и владению силой, что нёс в себе Дед. Впрочем, заранее предполагая, что осваивая, скорее всего и мыслить придётся по-другому и видеть всё иначе. Да что там, это предполагает иное мировоззрение, отличающееся от замылившегося и привычного!...

«Да, наверняка, для этого и думать, и делать надо по-другому», – подытожил мысленно Всеволод.

Бытие: светлое и беспокойное

Получасом позже взрослые сидели за столом, щедро накрытым бабкой Манефой. И было очень хорошо. Необъяснимо просто и ясно.

Светлышок зашла со двора в обнимку с деревянным петушком. Всё её существо излучало жизнь: и светлые кудряшки, встрёпанные ласковым ветерком, и радостное, восторженное удивление всем вокруг, плескавшееся в глазёнках.

Она прошлёпала босыми ногами по широким половицам, влезла к отцу на колени, угнездилась там получше и приклонилась виском к его груди. Будто тёплой, ласковой волной обдало всех это простое и искреннее её действие. И вдруг выдохнула что-то, переполнявшее её:

– Как жить-то хорошо!

Морщинки на лице старой Манефы вдруг ожили и разбежались от её глаз светлыми лучиками, делая бабку необыкновенно моложавой. Вынув сковороду с грибной жарёхой с пода на шесток, она опёрлась на ладонь щекой и улыбалась.

Дед, пряча улыбку в бороде, на мгновение прикрыл глаза, соглашаясь, и смотрел теперь, как расправляла крылышки детская душа, хранившая память о волховании.

Родители девочки, радостно переглянувшись, слились взглядами, образуя собой пространство, переполненное чем-то расширяющим его до размеров Вселенной.

Счастье тихо разливалось по избе и за её пределы... И, если бы Гвидонушка в этот момент воспарил ввысь, снимая и передавая на монитор происходящее, то было бы видно: от избы СтарЫх, как круги по воде, исходят волны мягко переливающегося, мерцающего света.

Это очищающее и целительное сияние преображало мир. Незаметно, неощутимо, как-то буднично и тихо преображало. Просто кто-то кому-то вовремя сказал важные слова... Или понял вдруг то, что не давалось много лет... Счастливо избег опасности, не ведая об этом.

Есть какое-то неуловимое и желанное волшебство в том, чтобы оказываться в нужном месте в лучшее для этого время при самых благоприятных обстоятельствах. Жизнь никогда не стоит на месте, даже если кажется, что ничегошеньки не происходит.

Не успели отбыть от СтарЫх просветлевшие родители с девочкой, как неугомонный квадрокоптер уже транслировал на монитор-блюдечко небольшой караван машин с правительственными номерами, въезжавший на зелёную улицу, где на пригорке стояла изба. Любопытствующая бабка Манефа, убедившись, что она видит «то самое», громко позвала:

– Дееед! Ну, ты глянь-ко! Это ж опять «они» к тебе, снова да ладом?! И чё ж им неймётся, спокойно-то не управятся?

Проходивший мимо Дед покосился на монитор, и, ловко сунув охапку дров в подпечек, спокойно произнёс, хоть и с небольшим вздохом:

– Дак сначала повывели всех, хто думать мог, а теперича маются... Вот задача, так задача: днём с огнём не сыскать тех, хто думать могёт! Да и учиться уж мало хто хочет...

Гвидонушка тем временем азартно снимал, как Сократ, мелко тряся своей козлиной бородой и выставив рога вперёд, бодро бежал к первой машине эскорта. И не успел оторопевший водитель затормозить у избы СтарЫх, как передние копыта Сократа прочно утвердились на капоте авто, а сам он пронзительно смотрел в глаза приехавшему, а может, и прямо в душу!

У Сократа явно были давнишние счёты как с «сильными мира сего», так и исполнителями их воли...

Дела насущные

Сборы и проводы

Козлы не различают цифр, наверное... Как и других символов и обозначений, принятых в людском мире. Тем более, Сократ вряд ли мог отличить номера правительственные от присвоенных автомобилям обычных граждан.

И всё-таки, когда через час важные гости уезжали от СтарЫх на машинах с безупречным салонным лоском, Сократ проводил их самым тяжёлым взглядом, на какой мог быть способен тот, кто воплотился козлом. Потряхивая бородой, он задумчиво пережёвывал траву, а заодно и свою стародавнюю боль болезную.

Он размышлял о том, что нужный переход в другое качество и состояние сознания ему было бы не совершить без возможности видеть происходящее сквозь призму любого из девяти миров, и даже одновременно. Но, возможность пестовать и растить до более высокого звучания дух – остаётся лишь возможностью без душевного труда, потуг и подвигов сокровенного делания.

И Сократ, обобщив некоторые свои выводы, принял решение. А затем перевёл его в задачу. Её он разбил на простые шаги и действия. Со стороны, однако, это выглядело:

козёл бродит по деревенской улице и жуёт траву...

По сути, масштабы и важность духовной деятельности Сократа видел всегда только Дед. Вот и сейчас, проводив делегацию, прежде, чем зайти во двор, Дед понимающе и ободряюще подмигнул козлу.

В избе бабка Манефа уже складывала в расписной поставец скатерть-самобранку. Рядом с ним на лавке расположился кот. Он, вероятно, на славу воспользовался прибытием гостей и застольем по этому случаю в своих интересах и на своё благо.

И теперь с особой чистоплотностью, благодушием и ответственностью этих гостей провожал. Ведь любой знает: кот, вылизывая лапу и умывая ею свою морду – гостей «намывает». Но и проводить гостей достойно надо уметь! Бабкин кот умел. Потому, вознеся победно заднюю лапу и оставив хвост, тщательно намывал ту часть тела, что с противоположной от морды стороны. Что, по-видимому, означало: видеть вас – одно удовольствие, а не видеть – другое... так что прощевайте, люди добрые!... с богом уже...

Бабка Манефа вопрошающе взглянула на вошедшего в избу Деда. Ей понадобилось мгновение, чтобы прочесть нужное в ответном взгляде. И она бодро стала собирать мужа в дорогу, неожиданно возникая в разных местах избы как видение: то у старинного, окованного сундука, то в закуте, то в красном углу возле панок...

Домовой недовольно зашуршал за печью, давая знать

о своём отношении к подобным вещам. Хоть суетливых перемещений бабки по дому не было, из века в век он воспринимал такое крайне болезненно. Не любил сборы и всё тут. Любил, когда «все дома».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.